

Наука

10

ОКТАБРЬ
1961

и религия

**Коммунистическая партия
и атеистическое
воспитание трудящихся**

**Первые люди
на земле**

**Христианство
и коммунизм**

**В. Птендряков
Повесть
Презвычайное
происшествие
Окончание**

ТЕНЬ СУЛЕЙМАН- ГОРЫ

Ю. ПЕТРАШ

Все имеет свою историю. Есть она и у Сулейман-горы, что высится над городом Ош в Киргизской ССР. На протяжении ряда веков разносилась о ней слава «святой» по всему мусульманскому Востоку. Многие поколения людей поклонялись ее скалам, пещеркам, белому домику над каменистыми склонами. Было время, когда целые караваны купцов и паломников приходили сюда издалека, чтобы поклониться аллаху с ее вершины. Черная тень Сулейман-горы веками затмевала верующим свет разума.

Чем же в действительности является эта гора и кто создал вокруг нее ореол славы? Ош — один из древнейших городов в Средней Азии. По своему географическому положению он занимает удобное место, находясь на подступах к Памиру. Через Ош проходили древние караванные пути, связывающие Среднюю Азию с Китаем и Индией. Постепенно город превращался в один из центров торговли, а затем шелководства и различных ремесел. Город делила пополам красивая гора. Местные жители и приезжие часто взбирались на нее. Оттуда они любовались зеленью полей, панорамой города-сада, неповторимой картиной сверкающих пиков предгорий Памира. Ош славился чистым прохладным воздухом и обилием воды. Поэтому сюда в жаркое время года приезжала отдыхать знать из Ферганской долины.

В конце 15 века на горе был выстроен небольшой домик в восточном стиле, сохранившийся там до сих пор и называемый «белым домиком». Ниже его построил худжру с айваном¹ наследник андижанско-

го хана, литератор и военачальник Бабур². В своих мемуарах он называет гору Беракух, что значит красивая гора.

Пользуясь тем, что гору охотно посещает большое количество людей, муллы и шейхи стали использовать это место для проповедей и, конечно, получения подачек. Они распускали различные слухи, создавая вокруг горы славу «святой». Позже мусульманское духовенство дало ей имя узгенского везира Султан Илик Мази Сулеймана, одним из первых основавших свою резиденцию на горе в начале 15 века. Причем имя везира Сулеймана со временем было отождествлено с именем одного из наиболее известных доисламских пророков Сулеймана (библейский Соломон).

Каких только чудес не рассказывалось о Тахт-и-Сулеймане, «троне пророка Сулеймана», как стала именоваться эта гора. Но чтобы убедить, надо иметь доказательства. И таких «доказательств» стало появляться все больше и больше. При помощи земных орудий вмиг создавались отпечатки стоп «пророка», подков его коня и т. п. В нескольких местах демонстрировались «слезы пророка», стекавшие из пещерок. «Пророк скорбит, что мы недостаточно почитаем аллаха», — убеждали правоверных. Те, конечно, не знали, что это стекает вода, скопившаяся от дождей и таяния снега. Не знали они и того, что часто запасы «слез» восполнялись из ближайшего арыка.

Страждущим исцелиться от болезней посетителям предлагалось сунуть голову в скальные ямочки, проехать по гладкому камню, смочить лицо и больные места «слезами пророка». Разумеется, за это по-

¹ Худжра с айваном — небольшое строение с фасадом.

² Бабур Захиреддин Мухаммед (1483—1530) — потомок Тимура, основатель империи Великих Моголов в Индии.

лагалась плата. Святоши брали за «освобождение» от ревматизма три овцы, за «возвращение зрения» — верблюда и т. д. Широкую известность получил и так называемый «арык рая», пролегающий у подножья горы. Это обыкновенный арык, проложенный для полива, и вода в нем обычная, как во всяком арыке. Но шейхи объявили, что здесь течет «райская» вода. Издалека приезжали и приходили легковерные люди, чтобы очиститься от грехов в мутной воде «арыка рая» и увезти с собой в бурдюке «священную» влагу.

Чуть повыше «арыка рая», у южного подножья горы, находится большое кладбище. Оно называлось «кладбищем младенцев». За этим безобидным названием таились страшные преступления, совершенные в тени Сулейман-горы. Здесь оборвались многие жизни: религиозные фанатики почитали за честь умереть на «троне пророка» и бросались со скал. Женщин сбрасывали с вершины за нарушение супружеской верности. Жертвы хоронили под горой. Их было так много, что образовалось большое кладбище.

Яркую характеристику Сулейман-горе дал чешский писатель-герой Юлиус Фучик, побывавший в Оше в 1931 году. Вот что он писал в очерке «На Пяндже, когда стемнеет»: «Тахт-и-Сулейман поглотил больше жизней, чем может придумать рассказчик старых легенд.

Тахт-и-Сулейман подрывал в течение нескольких столетий здоровье народов Средней Азии. Это было доходное предприятие мусульманских монахов, и его печальную славу разносили одиночные путники и целые караваны в далекие края»³.

Ош был объявлен второй Меккой, а Сулейман-гора — своего рода второй Каабой. Быстро вырастали мечети. До установле-

ния Советской власти в городе было более ста мечетей, зато только три учителя и... один лекарь. Но достопочтенных мулл и благообразных шейхов занимали более «важные» дела, чем забота об образовании и лечении народа. Они делали вид, что своими бдениями умножают праведные дела мусульман... и умножали свои богатства.

Пришел Октябрь. Он разогнал присосавшихся к горе тунеядцев. Бешеной злобой встретило «воинство аллаха» Советскую власть. Многие из них влились в «полки Мухаммеда» и басмаческие банды, активно боровшиеся против власти трудящихся вплоть до тридцатых годов. Некоторые расползлись по углам и притаились.

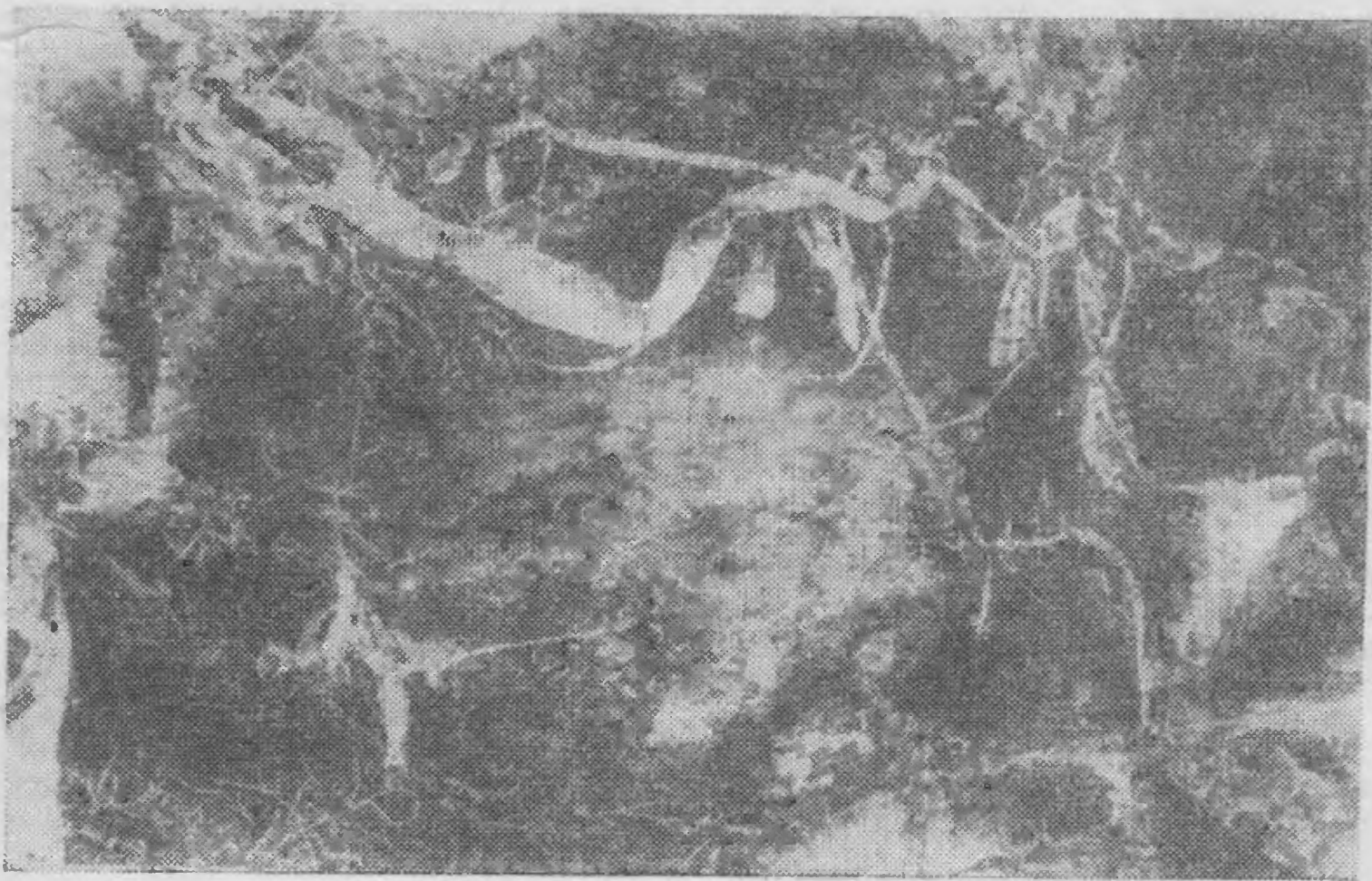
Не собирает больше к своим каменным вершинам Сулейман-гора многочисленные толпы паломников. «Революция сократила для них путь к здоровью... — писал Юлиус Фучик. — Конец тебе пришел, трон Соломона. Твоя слава уже никогда не вернется. На этой высокой горе ты глубоко погребен вместе с проклятым прошлым»⁴.

И хотя рассеялась зловещая тень Сулейман-горы, померкла ее слава, она еще не погасла совсем. Служители мусульманского культа стараются возродить былую славу Сулейман-горы. В ход снова пускались и пускаются те же мошеннические приемы, как и века назад.

Не легко вытравить из сознания людей то, что вбивалось столетиями. До сих пор есть еще люди, верящие в святость Сулейман-горы. Паломничество на гору особенно учащается по религиозным праздникам. Некоторые верующие приезжают издалека целыми семьями. Вот здесь-то бродячие шейхи и подкарауливают простодушных, чтобы поживиться за их счет. Что же представляют собою все эти «святые» шейхи?

³ Юлиус Фучик. Избранное. М., Изд-во «Правда», 1956, стр. 590.

⁴ Юлиус Фучик. Там же.

Верующие люди, одурманенные религиозными суевериями, вешают на камни и кусты Сулейман-горы куски своей одежды в надежде получить исцеление.

Шахимардан (Ферганская область, Узбекская ССР).
Работник музея имени Хамзы А. Хатамов проводит беседу с посетителями
«святого места» Хазрет-Али.

Вот Юлдаш-Метар Нарбаев. Он бывший конокрад, имел несколько судимостей. Шейх Нишан Мадалиев дважды был осужден за разбой. Шейх Эргаш, помельче размахом, ранее занимался квартирными кражами. Их «святым» делам соответствуют и «глубокие» познания. Один из них утверждал, что пророк Мухаммед правил всем миром из Москвы, а другой, рассказывая о своем пребывании в тюрьме, убеждал простаков, что встречался там с самим... Достоевским.

Мы рассказали только об одном «святом» месте. Но если бы изложить историю нескольких мусульманских «святынь» на юге Киргизии или в Узбекистане, то получилась бы целая книга о кровавых преступлениях. Так, на «святом» Шахимардане⁵ в 1922 году, отступая под натиском превосходящих сил басмачей, около сорока красноармейцев засели в помещении мазара Хазрет-Али и четыре дня мужественно отбивались от наседавшего врага. Осада была бы безуспешной, если бы на помощь басмачам не пришли шейхи, выпустившие фетву (толкование) о необходимости поджечь мазар. Они помогли поджечь ту «святыню», о чудесах которой таинственно рассказывали паломникам. Ночью мазар запылал. Басмачи открыли стрельбу. Бойцы задыхались в огне, гибли под пулями. Только благодаря красноармейскому отряду,

пришедшему на помощь из Ферганы, шестеро героев остались живыми.

Шахимарданскими муллами было совершено предательское подстрекательство к злодейскому убийству выдающегося сына узбекского народа, писателя и композитора Хамзы Хаким-заде Ниязи. А когда басмаческие банды были разгромлены, многие басмачи нашли себе прибежище в ореховых лесах Арслан-боба⁶. Они бесчинствовали, грабили и убивали, а потом, с жаром молясь в тенистом саду перед «святым» мазаром, получали от мулл благословение на разбой.

За годы Советской власти резко спала волна паломничества к «святым местам». Верующие на каждом шагу убеждались в несостоятельности громкой славы «святых мест». Они видели, что не помощь «святых» избавила их от эксплуатации, нищеты и болезней, что только благодаря Советской власти самые далекие уголки озарились просвещением, культурой, высоко поднялся жизненный уровень народа.

За последние годы общественностью проведена большая работа по разъяснению верующим вреда паломничества. Через печать, радио, в лекциях и беседах верующим рассказывалась история создания того или иного «святого места», приводились яркие факты прямого мошенничества со стороны служителей культа. Трудящиеся, в том числе и сами верующие, возмущенные этими фактами, выносили на своих собраниях решения о закрытии «святынь» и прекращении паломничества.

⁵ Высокогорная местность в Ферганской области Узбекской ССР. В переводе означает «царь мужей». По преданию, здесь находится могила халифа Али, который правил в Аравии и Ираке в 656—661 годах н. э. «Могилы Али» почитаются и в Ираке (г. Неджеф), и в Афганистане (Мазари-Шериф). Так «святой» Али благодаря выдумкам духовенства оказался похороненным сразу... в трех местах. В действительности же Али при своей жизни не был ни в одном из этих мест.

⁶ Местность на юге Киргизии, в которой сохранились в диком состоянии ореховые леса и которая пользуется среди мусульман Среднеазиатских республик славой «святого места». Там в 16 веке была сооружена гробница легендарного лесника — «святого» Арслан-боба, паломничество к которой продолжается и сейчас.

Большая работа проведена в Шахимардане. На горе, где стоял мазар Хазрет-Али, теперь построена поселковая библиотека, рядом находятся музей и белокаменный мавзолей — памятник замечательному борцу за народное счастье Хамзе Хакимзаде Ниязи. Работники музея рассказывают посетителям о жизни и деятельности Хамзы, об истории поселка и мазара Хазрет-Али. Слушатели с большим интересом узнают действительную правду об этой «святыне». Жаль только, что на этих беседах еще мало бывает женщин. А ведь они-то как раз и составляют основную часть паломников.

Такая положительная форма работы с верующими на Шахимардане может служить хорошим примером и для других мест. К сожалению, этого еще нет в Киргизии. На юге Киргизстана насчитывается около десяти крупных мусульманских «святынь», к которым совершаются довольно многочисленные паломничества в летние месяцы.

В Арслан-бобе или Шах-Фазиле, Хазрет-Аюбе или Идрис-пайгамбаре, у источников, пещер, водопадов, деревьев и кустов, на скалах можно видеть молящихся, набирающих в сосуды «священную» воду, завязывающих в платки глину, кору с арчевых деревьев и другие предметы, которые будут потом служить «исцеляющими» сред-

ствами и талисманами. Тут же снуют бродячие шейхи.

Основным недостатком в борьбе с почитанием «святых мест» является несистематичность атеистической пропаганды и в большинстве случаев отсутствие непосредственной работы с верующими. Зачастую об этом начинают вспоминать лишь накануне «сезона» паломничества.

На наш взгляд, в некоторых местах надо иметь лектора-экскурсовода, который проводил бы беседы с людьми прямо у «святынь». Тактично, не оскорбляя чувств верующих, он рассказывал бы действительную историю этого края, памятника, помогал бы людям разобраться в их заблуждениях. К этим мероприятиям надо шире привлекать местную интеллигенцию, особенно старожилов, чьи беседы всегда вызывают у слушателей большой интерес. Наконец, следовало бы обратить особое внимание общественности на борьбу с тунеядцами, обитающими около «святых мест». Ведь у иных «святынь» живут и занимаются темными делами целые семьи паразитов.

Настала пора, чтобы тень Сулейман-горы и других «святых» мазаров перестала закрывать от верующих прекрасную, многогранную, творческую жизнь нашего народа, строящего светлое здание коммунизма.

ЦЕНА ОСЛА

(Дагестанская сказка)

На обочине дороги сидел старый Махмуд и горько плакал. Какой-то прохожий, видимо, решил посочувствовать его горю и, остановившись, спросил:

— Брат Махмуд, отчего ты плачешь?

— Как же мне не плакать, когда дома меня ждет большая и голодная семья! До сих пор мы кое-как перебивались, потому что у нас был свой осел. А вчера ночью ослу увели воры, — ответил старик и заплакал еще горше.

— О Махмуд, успокойся. Аллах милостив, он подарит тебе нового ослу вместо старого.

Безнадежно качнув головой, Махмуд ответил:

— Эх, брат, брат... Своего аллаха я знаю лучше тебя. Осел стоит 14 рублей, а у меня денег всего 10 рублей. Мой аллах ни на грош не снизит цену на ослу.

Рис. Е. Асманова

В этом номере

**КОНСТИТУЦИЯ СССР
ЖИВЕТ, РАБОТАЕТ**

**ЛЕНИНСКОМУ
КОМСОМОЛУ — 60 лет**

Р. ВАСИЛЬЕВСКИЙ

СВОБОДНОЕ ВРЕМЯ И ЛИЧНОСТЬ

С. МАРКОВ

**Усыпление совести
и амнистия пороков**

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Сергей БОНДАРЧУК

**Л. ТОЛСТОЙ и
современный
кинематограф**

Э. АЛЕННИК

НАПОМИНАНИЕ

Отрывки из повести

10 • 1978

КАК УТВЕРЖДАЛСЯ ИСЛАМ

В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Т. САИДБАЕВ,
кандидат философских наук

В нашей стране мусульмане встречаются среди представителей многих национальностей — узбеков и аварцев, киргизов и татар, таджиков и черкесов, казахов и чеченцев, кабардинцев и туркмен... Каждый из этих народов имеет свою, отличную от других историю, но именно ислам оказался той религией, которую восприняли их предки и которая сохранилась в их среде на долгие времена.

Почему же именно ислам вытеснил у этих народов прежние религиозные верования, стал у них господствующей идеологией и, таким образом, оказывал определенное влияние на социальные процессы, психологию, культуру и ценностные ориентации? Ответ на этот вопрос имеет не только теоретическое, но и немаловажное практическое значение. Без правильного ответа на него невозможно эффективная работа по преодолению пережитков ислама.

Среди мусульман существует представление об исламе как извечной религии так называемых «мусульманских» народов («мы — узбеки, башкиры, чеченцы и т. д. — всегда были мусульманами»). В районах распространения ислама многие религиозные обряды и предписания воспринимаются верующими (а порой и неверующими) как народные, традиционные, присущие испокон веков именно данной нации, народности. Еще и сегодня находит сочувствие проповедь об исламской религии как хранительнице национального духа, национальной культуры, и сегодня ислам продолжает оказывать прямое или косвенное влияние на личную и общественную жизнь значительного числа людей.

Какова же истинная роль этой религии в исторических судьбах воспринявших ее народов? Какие ее черты помогли ей существовать столь долгое время, еще и сегодня сохранять влияние среди определенной части населения?

В нашей исторической и исламоведческой литературе, как правило, говорится, что ислам на территории СССР появился в результате внешней экспансии, что он огнем и мечом насаждался завоевателями среди покоренных народов¹. Вместе с тем в ряде работ, посвященных распространению ислама, подчеркивается, что причины его утверждения в той или иной части страны нельзя объяснять только арабской экспансией, что необходимо также учитывать местные социально-экономические условия того времени. Авторы, однако,

ограничиваются этим замечанием, не раскрывая сути проблемы².

Войны Арабского халифата, сопровождавшиеся захватом обширных территорий, покорением десятков разноразличных племен, сыграли немалую роль в распространении ислама, тем более что вначале эта религия не знала индивидуального миссионерства. Известно, однако, что в Татари, Башкирии, в ряде районов Северного Кавказа и Средней Азии ислам вытеснил традиционные верования и утвердился без насилия, при помощи проповеди. И сегодня продолжается «мирное наступление» этой религии в Азии и Африке. К тому же известно немало случаев, когда насильственное внедрение той или иной религии не приносило успеха.

Процесс распространения и утверждения ислама в каждом отдельном случае проходил в особых, специфических условиях. Попытаемся установить, были ли общие закономерности у этого процесса в разных районах на территории нашей страны. Ответить на этот вопрос можно, лишь руководствуясь марксистским тезисом схожести в своем идеале путей всех народов, подчинении их общим законам развития человеческого общества.

Каким образом ислам, появившийся на исторической арене в первой половине VII века в Аравии, в краю, значительно удаленном от Средней Азии, Поволжья, Кавказа, в конце концов распространился и утвердился в этих районах? Объяснить это невозможно без знакомства с социально-экономическими условиями, в которых происходил этот процесс, явившийся переносом надстройки, культуры.

Марксизм учит, что такой перенос — и как возможность, и как факт — определяется сходством или различием базисов взаимодействующих обществ. Закономерен перенос надстройки между социально-экономическими структурами, не имеющими качественного различия. Если же общества находятся на различных уровнях развития, то перенос тех или иных частей надстройки (правовых и политических систем, научных и философских теорий, эстетических взглядов) весьма проблематичен.

При сравнении социально-экономических, политических условий в Аравии VII века и Средней Азии в период распространения ислама обнаруживается их несомненное сходство.

Арабское общество конца VII века сохраняло рабовладельческий уклад, однако уже в значительной степени подверглось феодализации; военно-феодальная знать, принимавшая участие в завоевании Средней Азии, сохраняла еще элементы кочевого быта. В Средней Азии ко времени арабского нашествия на смену рабовладельческой формации приходит феодальная. Вообще утверждение ислама и в других районах нашей страны происходило как раз в период развития и укрепления феодальных отношений. Именно сходство исторического развития среднеазиатского и арабского обществ явилось определяющим фактором переноса этой религии на новую почву. Идеология ислама соответствовала потребностям нарождавшегося феодального общества, различных его социальных слоев.

Среднеазиатские феодальные государства, завоеванные арабами, характеризовались резкой социальной и имущественной дифференциацией. Эксплуататорам нужна была сила, которая держала бы в повиновении трудящиеся большинство, — идеология, оправдывавшая сложившиеся производственные отношения, внушавшая массам неизбежность и предопределенность их угнетенного и бедственного положения. Средние века знали только одну господствующую идеологию — религию. Развитие среднеазиатского общества закономерно вызвало попытки выделить из множества богов, которым издавна поклонялись местные народы, единого, «высшего». Потребность в монотеистической религии явно обнаружилась здесь еще до арабского нашествия.

Покорив Среднюю Азию, арабы оставили без изменения аппарат управления и эксплуатации, удовлетворившись захватом добычи и сбором дани с населения. Завоеватели привлекали на свою сторону земельно-чиновничью аристократию: были сохранены все ее социально-экономические привилегии,

¹ См., например: «История Казахской ССР», т. 1. Алма-Ата, 1957, стр. 105; «История Туркменской ССР», т. 1. Ашхабад, 1957, стр. 165; «Очерки истории Каракаво-Черкесии», т. 1. Ставрополь, 1967, стр. 186; М. Муллаев. Происхождение и реакционная сущность шариата. Душанбе, 1967, стр. 94; А. Кадиров. Современный ислам в Средней Азии, его исторические основы и процесс преодоления. Автореферат докторской диссертации. М., 1969, стр. 18; Ш. Ф. Мамедов. Развитие философской мысли в Азербайджане. М., 1965, стр. 23; Б. Х. Цавкилов. Мораль ислама. Нальчик, 1967, стр. 143—144 и др.

² См., например, А. В. Авксентьев. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь, 1973; Д. Межидов. Мифы и реальность. Грозный, 1975.

она продолжала по-прежнему эксплуатировать крестьян, собирала с них налоги в пользу наместников халифа, не забывая при этом и себя. Местные феодалы, принимая новую религию, на первых порах получали прямые материальные выгоды — освобождались от уплаты джизьи — налога с иноверцев. А главное, в их руках оказывалось идеологическое оправдание своего преимущественного положения в обществе: ислам учил, что социальное неравенство — от бога, ведь Аллах дал «преимущество одним пред другими в жизненном уделе» (Коран, сура 16, аят 73), он разделил «среди них их пропитание в жизни ближней» и возвысил «одних степенями над другими, чтобы одни из них брали других в услужение» (сура 43, аят 31), и потребовал повиновения «обладателям власти среди вас» (сура 4, аят 62).

Во всех странах, куда проникал ислам, именно феодалы принимали его первыми и всемерно способствовали его распространению. Большую роль в распространении новой религии играли города и крупные торговцы. В Средней Азии в VII—начале VIII века — накануне нашествия арабов — города в экономическом и культурном отношении достигли высокой ступени развития. Наряду с феодалами здесь господствовали богатые купцы, которые имели широкие торговые связи с другими городами и государствами.

В международной торговле главенствовали купцы Бухары и Согды (нынешнего Самарканда и прилегающих к нему районов). Они были основными посредниками в торговых связях между Востоком и Западом и держали в своих руках торговлю между оседлым населением и кочевниками-тюрьками.

В сферу торговли были включены и многочисленные ремесленники, которые приобретали сырье и продавали готовые изделия. Караваны с товарами нуждались в многочисленной охране, в погонщиках верблюдов и другом обслуживающем персонале. Кочевники, пропуская через свои земли караваны и взимавшие плату за их безопасность, за продовольствие и топливо, тоже были причастны к торговле. В общем, от ее состояния во многом зависело благополучие страны — в торговле прямо или косвенно участвовала значительная часть населения.

Централизация государства, последовавшая за арабскими завоеваниями, создала благоприятные условия для развития торговли, способствовала ее расширению. Завоеватели поощряли ее, и вполне естественно, что купцы, связанные с ними ремесленники и другие слои населения сравнительно быстро, без сопротивления приняли новую религию, пусть вначале и формально. Не могло, видимо, не привлекать их и отношение ислама к торговле. Она восхваляется в Коране во многих местах, например: «О вы, которые уверовали! Не указывайте ли мне вам на торговлю, которая спасет вас от мучительного наказания?».

Если учесть к тому же, что Коран освещает именем Аллаха частную собственность и «на защиту имущества обращается гораздо больше внимания, чем на защиту личности»³, то вполне понятно, почему новая религия импонировала купцам и всем слоям населения, связанным с торговлей. Отметим, что экономическая доктрина христианства ран-

него средневековья признавала только две отрасли хозяйства — земледелие и домашнее ремесло. Торговля как вид деятельности осуждалась. По христианским представлениям, торговля опасна для души. В Евангелии рассказывается, как Христос изгнал купцов из храма. А торговец, принявший ислам и живший среди мусульман, был уважаемым человеком в обществе, его занятие считалось добродетельным, богоугодным.

Значительную часть среднеазиатского общества периода арабских завоеваний составляло неимущее большинство, зависимое от феодалов и купцов. Это были прежде всего многочисленные мелкоземельные собственники. Они возделывали землю своими орудиями труда, но не владели тем главным, без чего не могло быть урожая, — водой. Каналы, водоемы принадлежали либо крупному феодалу, либо общине и государству. Нередко такие земледельцы не выдерживали конкуренции с крупными земельными собственниками и постепенно превращались в издольщиков, не имевших собственной земли. Были в среднеазиатском обществе и рабы, и крестьяне-издольщики, владевшие жалкое, полуголодное существование. Однако и для них новая религия имела привлекательные черты.

Вспомним, что арабские завоевания проходили под лозунгом равенства всех мусульман перед Аллахом, освобождения единоверцев от налогов и рабства. Достойным объявлялся каждый, кто принадлежал к мусульманской общине, отличался благочестивым поведением, подражал пророку Мухаммеду и его сподвижникам. Такие лозунги на деле мало что меняли в положении раба, издольщика, крестьянина, прежней оставалась привычная колесия их жизни. Однако, став мусульманами, они обрели иллюзорное чувство собственной значимости, сознание того, что и они и их феодалы равны перед лицом всемогущего небесного владыки.

К. Маркс так описывал в письме к Лауре Лафарг (13—14 апреля 1882 г.) население Алжира: «...Весьма поразительное это было зрелище: некоторые из этих маэров были одеты претенциозно, даже богато, другие — в то, что я в виде исключения отваживаюсь называть блузами, когда-то имевшими вид блуз из белой шерсти, но теперь превратившимися в тряпье и лохмотья; но в глазах истинного мусульманина подобные вещи, жизненная удача или неудача, не создают различия между детьми Мухаммеда. У них абсолютное равенство в социальном общении — совершенно естественное; напротив, только будучи деморализованными, они начинают осознавать, что оно существует». Здесь же Маркс объяснил социальную суть этого явления: «Это самое чувство абсолютного равенства и существование его на практике (не по богатству или положению, а в смысле личного равенства)» используется политиками как гарантия того, чтобы поддерживать ненависть к последователям других вероисповеданий и надежду на конечную победу над неверными»⁴.

Централизация государства принесла стабилизацию общественной жизни. Прекратились раздоры между правителями небольших феодальных государств, что в какой-то мере облегчило жизнь масс, на чьи плечи ложилась вся тяжесть военных конфликтов. И в их со-

Как утверждался ислам в Средней Азии

знании возможность мирного существования связывалась с появлением новой религии.

Итак, общества в Средней Азии, Закавказье и на Северном Кавказе имели в тот период сходный материальный базис с арабским обществом, что и сделало возможным перенос религии арабов в эти районы, где она пустила в последствии глубокие корни. «Ислам — это религия», — писал Ф. Энгельс, — приспособленная для жителей Востока, в особенности для арабов, следовательно, с одной стороны, для горожан, занимающихся торговлей и ремеслами, а с другой — для кочевников-бедуинов»⁵. В то же время и сам ислам подвергся значительному влиянию местных религий. Вступление разных народов, отдаленных друг от друга тысячами километров, на одну и ту же ступень общественно-исторического и культурного развития обычно способствует не только переносу религии, но и появлению схожих религиозных верований, возникновению однотипной культуры⁶.

Как видим, распространение ислама было обусловлено социально-экономическими причинами. Однако только ими нельзя ограничиваться при рассмотрении столь сложного явления, как перенос религии. Есть

здесь немало вопросов, которые нельзя оставлять без объяснения, например: какие особенности вероучения и культуры ислама способствовали его утверждению? Почему здесь не прижились другие религии, имеющие многовековую историю и характеризующиеся развитой богословской мыслью? Какую роль в распространении и утверждении ислама сыграли местные религии?

Большинство населения доисламской Средней Азии исповедовало зороастризм. Имел тут распространение и буддизм, но он не был серьезным соперником ислама. Известно, что накануне арабского нашествия в Средней Азии жило немало и последователей христианства, причем это были не только иноземцы, но и представители некоторых тюркских кочевых племен (огузов, тогузогузов), позже — и некоторых монгольских племен. В Самарканде в VI веке был несторианский епископ, а в VIII веке митрополит. В Хорезме имела христианская кафедра, входившая в состав митрополии с центром в Крыму. Несторианином был царь карлуков Семиречья. Глубокие корни в Средней Азии в исследуемый период имело магиейство, бытовало и множество местных культов. Столь же пестрая религиозная картина наблюдалась в период распространения ислама и в других районах, которых достигли арабы.

На всех покоренных территориях завоеватели разрушали языческие святилища, храмы, сжигали зороастрийские и христианские книги. По свидетельству

³ Е. А. Веляев. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965, стр. 115.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, стр. 258.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 468 (сноска).

⁶ См.: Н. И. Конрад. Запад и Восток. М., 1972, стр. 315—318.

древних историков, гибель храмов производила огромное впечатление на местных жителей. Правитель Согда на коленах умолял арабского военачальника «не сжигать идолов, чтобы не случилось беды. Но идолы были сожжены, святотатцы же пострадала, и это не могло не поколебать веру в старых богов»⁷.

Однако при этом ислам усваивал многие идеи иных религий. Такое его свойство приспосабливалось к местным обычаям, верованиям, воспринимались черты иной идеологии, отмечается многими исследователями. Ислам можно уподобить воде, принимающей форму берегов и дна, по которым она течет. В сравнении с другими монотеистическими религиями, он быстрее приспосабливался к условиям реальной жизни. Интересно в этой связи, как трансформировалось имя мусульманского бога в сознании среднеазиатских народов. Наряду с именем Аллах, они употребляют для его обозначения и имена Худо, Худай (дух неба у тюрков, получивший имя от персидского Кудай), и Тенгри или Тангри (правитель мира, бог неба и света, древнее верховное божество у тюрков).

Что касается взаимоотношений с исламом местных религий — зороастризма, манихейства, — то они не только не препятствовали, но в какой-то мере способствовали его утверждению.

Зороастризм не был лишен представлений о едином всемогущем боге, и для его последователей идея единобожия, проповедуемая исламом, не была принципиально новой и чуждой. Родня зороастризм с исламом и другие существенные черты: отрицание аскетизма, забота о продолжении рода и т. п. Это не случайно — ислам еще в пору своего формирования воспринял многие черты этой религии персов. И. Гольдциер, например, отмечал, что в хадисах — изречениях, приписываемых Мухаммеду, немало заимствований из Авесты — священной книги зороастрийцев и подражаний персидским образцам⁸.

Манихейство проповедовало приход Мани-параклета (утешителя) — главного из посланцев царства света, который победит царство тьмы. Согласно исламу, Мухаммед — не кто иной, как параклет, пришествие которого предсказывается в Евангелии от Иоанна.

Однако и зороастризм, и манихейство, несмотря на некоторые монотеистические идеи, в целом были религиями политеистическими и не отвечали потребностям развивавшегося феодального общества, не соответствовали (особенно манихейство) жизненным представлениям его различных слоев. Аскетизм манихейства был чужд и пастуху и крестьянину. «Невозможно было растолковать пастуху, неграмотному храброму воину, что его родная благоухающая степь, любимая жена и веселые краснощекие дети — страшное зло, от которого надо отречься. Мог ли он возненавидеть свои крепкие руки, натагивающие тугой лук до уха, и своего боевого коня, не раз спасавшего ему привольную жизнь? Как мог он представить себе абстракцию борьбы Света и мятущейся Тьмы?»⁹. Не имело манихейство успеха и среди купцов и феодалов, прочно связанных с земными, конкретными дела-

ми, обладавших реальным богатством и властью.

мусульмане считают, что священные писания христианства и иудаизма также передавались Аллахом на землю через посланников. Это признание способствовало тому, что христиане, проживавшие в Средней Азии, на Кавказе, как и их единоверцы в Сирии, Северной Африке, Испании, Египте, легко воспринимали ислам¹⁰. Однако почему же христианство, успешно обслуживавшее феодальные общества в Европе, не смогло стать господствующей религией развивавшегося среднеазиатского феодального общества и во многих районах Востока уступило место исламу?

В поисках ответа на этот вопрос исследователи обращали внимание на то, что иудео-христианские традиции не приспособились к потребностям населения Ближнего Востока, а ислам вполне удовлетворил эти потребности.

Прежде всего новая религия заменяла принцип индивидуальной ответственности перед богом «коммунализацией» дела спасения. Судьба личности и ее «спасение», согласно учению ислама, зависели не от ее личных заслуг, а определялись уже самой принадлежностью к мусульманской общине, ее поведением по отношению к этой общине¹¹.

В районах распространения ислама, несмотря на развитие феодальных отношений, сильны были родовые связи. В таких условиях христианство, которое обращалось ко всем народам без различия и ставило на первый план не кровнородственные связи, а солидарность христиан вообще, требовало от человека «покинуть свой дом» и изображало веру как меч, разрубающий все узы семейно-патриархальных привязанностей, не могло вызвать симпатий восточного общества.

Разумеется, в известной степени и ислам разрушает кровнородственные связи, во многом заменяя их экономическими, политическими и идейными. Но ислам не требует решительного разрыва с родом и племенем, оставляя человеку его традиционные связи. «В исламе речь идет скорее о слиянии, сплавлении разных родов, племен, вероисповедных групп в более широкую, но вместе с тем все-таки этнически ограниченную общность, ни в коем случае не совпадающую со всем «разумным человечеством». Понятие рода не переосмысливается в корне, а лишь получает новое, более широкое истолкование, согласно которому имущественные, общинно-корпоративные и политические зависимости ставятся в один ряд с кровными связями и реализуются с их помощью»¹².

В условиях Востока ислам обладал преимуществом перед христианством и в таких важных вопросах, как ответственность человека перед богом, его отношение к земной жизни. Согласно христианскому учению, грех прародителей передается всему роду человеческому и люди обязаны всю жизнь смыть его. Аллах же, согласно Корану, простил Адама и «повел прямым путем» (сура 20, аят 120) и не сделал из его поступка никаких тяжелых для всего человечества выводов. Попасть в рай, по учению христианства, — это скорее воз-

можность, чем реальность. Даже тот, кто делает все для спасения души, ни в какой ситуации не может считать, что ему обеспечено «царствие небесное». По замечанию К. Маркса, в христианстве чувство человеческого достоинства «растворилось в обманчивом мареве царства небесного»¹³.

Ислам, напротив, позволяет надеяться на райское блаженство не только доброму мусульманину, но и совершившему грех, лишь бы он был членом мусульманской общины. По словам В. Бартольда, христианин, чтобы исполнить требования своей веры, должен забыть себя ради бога и ближнего, от мусульманина его закон требует, чтобы он среди своих дел не забывал ни бога, ни ближнего, совершал в положенное время молитвенный обряд и отдавал часть своего имущества в пользу бедных.

Подобное отношение к греху, своего рода гарантия райской жизни, конечно, привлекали предприимчивых людей, каковыми были торговцы, а также кочевников, постоянно испытывавших судьбу в походах.

Нельзя не отметить простоту, доступность догматов ислама и его культа. В исламе выдвигается на первое место специфически восточная, простая обрядность, не отягощенная сложной догматикой, акцент делается на «внешнем благочестии», индивидуальном, внутреннем постижении Аллаха. Это также облегчило восприятие ислама коренным населением тех стран арабского Востока, где ранее исповедовалось христианство. Переход же мусульман в христианство наблюдался крайне редко.

С приходом арабов, с появлением новой религии мало что менялось в основах местной жизни, и это также способствовало утверждению ислама. Оставались неизменными формы государственного управления, местные традиции и обычаи, которые ислам постепенно впитывал, включая в свою систему.

К тому же нормы, диктуемые исламом, во многом совпадали с традиционными нормами жизни новых приверженцев этой религии — адатами.

Взять, к примеру, многоженство. Некоторые авторы считают, что полигамия пришла в Среднюю Азию с исламом.

⁷ См.: А. М. Беленицкий и др. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, стр. 151.

⁸ См.: И. Гольдциер. Лекции об исламе. М., 1912, стр. 22—23.

⁹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 427—428.

¹⁰ Речь идет не о простом заимствовании исламом идей иудаизма и христианства, а о разных вариантах одной и той же общесемитской истории. Ф. Энгельс, характеризуя Библию, писал, что она представляет собой «записи древне-арабских религиозных и племенных традиций, видоизмененных благодаря раннему отделению евреев от своих соседей — родственников им, но оставшихся кочевыми племенами. То обстоятельство, что Палестина с арабской стороны окружена пустыней, страной бедуинов, объясняет самостоятельность изложения. Но древне-арабские надписи, традиции и Коран, а также и та легкость, с которой распу- тываются все родословные и т. д. — все это доказывает, что основное содержание было арабским или, вернее, общесемитическим». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 209—210.

¹¹ Об этом подробнее см.: Б. С. Ерасов. Структура и динамика исламского универсализма. «Вопросы философии», 1973, № 3.

¹² Е. Фролова. Ранний ислам, его социальная сущность и историческая роль. «Наука и религия», 1971, № 10.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 373.

Однако известно, что у древних тюрков — предков многих народов, принявших ислам, многоженство существовало (по крайней мере, в среде знати) задолго до прихода арабов, а у якутов, тюркоязычного народа, никогда не знавшего ислама, оно сохранялось вплоть до XIX века. То же самое можно сказать и об обычаях кровной мести, о культе старших и т. д. Для Средней Азии не была новой и идея теократии, присущая исламу, так как здесь хан одновременно был и первосвященником.

Какую же роль сыграло распространение и утверждение ислама на территории нашей страны, в частности в Средней Азии, в исторических судьбах народов, населявших эти районы? Эта проблема требует специального исследования, мы лишь коснемся основных ее аспектов.

Современные мусульманские деятели объясняют расцвет культуры народов Средней Азии после утверждения здесь новой религии именно ее «благодатным» влиянием. Они пишут, что ислам поощрял знания и учение, создавал ученым условия для плодотворного труда и т. д. Однако мы знаем, что на огромной территории, где проживали мусульмане, имевшие большие различия в традициях, истоках культуры, условиях жизни, не было единых эстетических норм, единой культуры. У каждого народа, исповедовавшего ислам, развивались самобытная литература, свое искусство орнамента и т. д. Благодаря созданию огромного Арабского халифата, частью которого стала Средняя Азия, местная культура вошла в тесные контакты с индийской, иранской, месопотамской, египетской, греко-римской культурой, произошел величайший культурный синтез в Средней Азии и на Ближнем Востоке¹⁴, однако причину этого явления следует искать не в мусульманской идеологии.

Арабские завоевания в Средней Азии носили откровенно захватнический характер, они велись в интересах правящей верхушки арабского общества и нанесли большой ущерб экономике и культуре этого края. Народ, вначале надевшийся на облегчение своего положения, быстро почувствовал на себе последствия политики грабежа, ощутил тяжесть двойного гнета — со стороны местной знати и завоевателей. История Средней Азии знает множество народных движений против эксплуататоров.

С точки же зрения исторической перспективы, включение Средней Азии в состав Арабского халифата в конечном

счете способствовало и созданию централизованного государства, и развитию здесь феодализма.

Упрочение феодальных отношений в Средней Азии сопровождалось ростом производительных сил, сельскохозяйственного производства, расширением площадей используемых земель, восстановлением разрушенных оросительных систем, строительством ирригационных сооружений, широким использованием водоподъемных колес, появлением водяной, а с середины X века — и ветряной мельницы.

Излишки сельскохозяйственных продуктов способствовали дальнейшему развитию торговли и рыночного хозяйства, вследствие чего наблюдался дальнейший рост городов, усиление их влияния на экономическую жизнь. Развитие ремесел, скопление ремесленников в определенных центрах также вызвали интенсивный рост старых и возникновение новых городов, благодаря чему ремесла окончательно отделились от сельского хозяйства и началась их дифференциация по отраслям.

Во второй половине VIII — первой половине IX века в Средней Азии развиваются светские знания, появляются переводы книг по медицине, математике, астрономии, философии, логике и психологии — с языков народов Индии, персидского, сирийского и особенно с греческого. Именно в этот период и несколько позже трудились основатели средневековой математической науки Муса аль-Хорезми ал Маджум, с именем которого связаны понятия «алгебра» и «алгоритм», выдающийся астроном Мухаммед Фергани, великий медик Абу Али ибн Сина, поэты Фирдоуси, Рудаки и многие другие.

Было бы неверно, разумеется, объяснять высокий уровень культуры Средней Азии в данный период лишь включением ее в состав Арабского халифата, улучшением связей с высокоразвитыми в культурном отношении странами. Высокая культура могла быть воспринята, усвоена и, самое главное, получила творческое развитие потому, что народы Средней Азии находились сами на том же уровне культуры. Именно богатые культурные традиции и привели в данных условиях к расцвету экономики и культуры Средней Азии арабского и послерабского периодов. Если отдельные представители народов Средней Азии высоко поднялись над интеллектуальным уровнем своего времени и сумели заглянуть далеко вперед, то это произошло именно благодаря тому, что им в полной мере удалось синтезировать все накопленные до них достиже-

Как утверждался ислам в Средней Азии

ния культуры и дать новый толчок ее развитию. «Великие идеи... как и люди, имеют свои биографии, своих родичей и прародителей, свои генеалогические древа, уходящие корнями в далекое прошлое. В конечном счете они — плод всей предшествующей культуры, они вынашиваются многовековым ходом духовной работы, борьбой миллионов мнений, точек зрения, столкновением страстей и интересов, «перекрестным опылением» самых различных сфер деятельности. Многими невидимыми токами их внутреннее, кумулятивное развитие направляется и ориентируется движением социально-экономических процессов, требованиями той или иной общественной формации, «духом» определенной исторической эпохи»¹⁵.

Обратим внимание и на следующее обстоятельство. Расцвет культуры народов Средней Азии в IX—XI веках стал возможен, на наш взгляд, и потому, что в тот период ислам еще не подчинил своему контролю все духовное творчество. Культура того периода, вступая в противоречие с исламом, воспевала торжество разума, провозглашала возможность постигать новые стороны жизни общества и природы, высоко ставила земное призвание человека.

Можно также смело утверждать, что именно там, где засилье ислама было меньше и где присущие конкретной местности элементы культуры были не слишком зависимы от его контроля, наука развивалась успешнее.

Исследователи еще не дали полного ответа на вопрос: почему страны Ближнего Востока и Средней Азии, достигшие в IX—XI веках наивысшего для своего времени уровня культуры и давшие огромный толчок развитию ее в Европе, в последующие века остановились в своем культурном и экономическом развитии? Ответ на этот вопрос неоднозначен, но можно с уверенностью сказать, что одна из причин кроется именно в том, что в жизни этого региона безраздельно господствовал ислам. Он способствовал консервации застойных общественно-экономических отношений, культурной отсталости районов его распространения, сыграл объективно реакционную роль в истории исповедовавших его народов.

¹⁴ См.: Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, стр. 323—324.

¹⁵ Г. Волков. Сова Минервы. М., 1973, стр. 7.

Всего
сто лет,
уже
сто лет

О чем писали
русские газеты и журналы
в октябре 1878 года

Нам пишут из Ново-Константинова: на днях в одной из церквей, когда ее отперли утром, был найден у окна труп старухи в корзине. Окно над этим местом выбито... Говорят, что покойная страдала религиозной манией, будто она будет взята живою на небо. Накануне катастрофы она, как предполагают, пришла в церковь ко всенощной, заснула в храме и, никем не замеченная, осталась в нем на ночь. Ночью воры выломали окно и спустили вниз корзину, желая измерить высоту пространства, которое им надо будет совершить, спускаясь вниз в корзине. Шум разбудил

спящую. Старуха, ощутив нисходящую сверху корзину, под влиянием постоянно угнетавшей ее мысли подумала, что это именно та колесница, на которой она живою должна вознестись на небо. Не задумавшись, она села в нее и предстала удивленным вора, которые с испуга выпустили веревки, за которые тянули неизвестную тяжесть, и бедная женщина полетела с корзиной на каменный пол.

Воры, разумеется, скрылись, оставив этот кровавый след ночной трагедии.

«Голос»

В этом номере

АКТИВНАЯ ПОЗИЦИЯ В ЖИЗНИ

Рассказывает Герой
Социалистического Труда В. В. Ермилов

М. ЮНУСОВ

У БЫВШЕГО
„СВЯТОГО МЕСТА“

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

НАУКА И РЕЛИГИЯ

Г. ФРУМЕНКОВ

**СУДЬБА
ЗНАМЕНОСЦА**

И. СУХАРЬКОВ

Католическая
пресса в Италии

12 • 1976

ШАМАНЫ И «СВЯТЫЕ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Когда-то Ташбулак (в переводе с узбекского — большой родник) был местом паломничества бездетных женщин, воды родника считались священными. Сейчас в этом уголке Узбекистана, щедро одаренном природой, отдыхают дети — здесь построен межполхозный пионерский лагерь имени Юрия Гагарина.

Г. СНЕСАРЕВ,
кандидат
исторических
наук

Фото Г. Киселевой

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ наука имеет немало свидетельств тому, что в Средней Азии научная медицина зародилась в глубокой древности. А в средние века этот край дал миру замечательные открытия в области познания природы челове-

ка, его здоровья и болезней. Вспомним великого ученого X—XI веков Абу Али ибн Сину, или, как его называли европейцы, Авиценну, и его знаменитый медицинский трактат «Медицинский канон» или гератскую медицинскую школу, созданную в XV веке Гиясэддином Мухаммедом.

Однако во все времена, включая первую четверть нашего столетия, медицинские знания и практика здесь тонули в море ложных, основанных на религиозном миропонимании представлений о природе человека, о функциях его организма, о причинах болезней и способах борьбы с ними. Веками создавался и рос огромный комплекс верований и обрядов, связанных с этими представлениями, составлявший «лечебную» практику на религиозной основе. Пережитки этой практики существуют и по сей день, хотя все республики Средней Азии располагают развитой системой научного здравоохранения.

Этнографы, исследующие жизнь народов Средней Азии, в силу особенностей своей методики, позволяющей глубоко проникать в область быта, имеют возможность детально изучить эти пережиточные явления — от их истоков до сегодняшних форм. Многие их наблюдения, как нам кажется, должны заинтересовать не только представителей смежных наук, но и тех, кто ведет пропаганду атеистических и медицинских знаний.

Остановимся на тех связанных с религией пережитках, которые составляют «лечебную» практику, — они представляются нам наиболее распространенными и живучими. Здесь наше внимание прежде всего должны привлечь пережитки шаманства и культа святых, который проявляется в Средней Азии в основном в виде паломничества людей, страдающих различными недугами, к «священным» могилам — мазарам. Страждущие идут к «святым» местам и подвизающимся там «специалистам» по лечению болезней не всегда потому, что верят в бога, а чаще всего просто на всякий случай.

В дореволюционном прошлом шаманство в этом крае было распространено довольно широко. Во многом оно было сходно с «класическим» шаманством Сибири, Крайнего Севера и Дальнего Востока, но имело и свои особенности. Среднеазиатский вариант несколько упрощен: ряд типичных представлений и некоторые функции шаманов здесь отсутствовали, и в основном все сводилось к «ле-

чебной» практике. С точки зрения шаманства, недуг возникает вследствие того, что в организм человека внедряются враждебно настроенные сверхъестественные существа — духи, демоны; цель камланий — особых шаманских церемоний — изгнать их из тела больного. На стороне шамана в этой церемонии выступают духи особой категории, доброжелательно настроенные, — с ними у каждого шамана как бы заключен длительный договор. Шаманами в Средней Азии — их тут именовали «пархан», «бахши», «фолбин» — были и мужчины, и женщины.

В свое время шаманство заполняло своеобразный вакуум: то, что не могло быть объяснено житейским опытом, на что не давала ответа официальная религия — ислам, получало объяснение с точки зрения шаманства — пусть крайне примитивное, но доступное обыденному сознанию. Оно было настолько популярно в Средней Азии, что мусульманское духовенство вынуждено было сквозь пальцы смотреть на столь греховные отступления верующих от «истинного» пути.

Но, пожалуй, наиболее глубокие причины живучести этого древнего комплекса заложены в самом характере шаманства. Камлания производили огромное эмоциональное воздействие на участников и зрителей этой церемонии. Рассказы очевидцев шаманских камланий и тех, кто испытал на себе шаманское «лечение», рисуют весьма колоритную, эмоционально впечатляющую картину таинственного действа. Все в нем как будто специально рассчитано на то, чтобы привести в смятение человеческие чувства и довести их до экзистенциального состояния: и то, что камлание происходит ночью; и тесное помещение, где люди сидят близко друг к другу; и таинственный полумрак; и коллективные пляски, не похожие на обычные, «мирские»; и фантастический обряд, когда больной, окруженный свечами, изображает усопшего; и своеобразные, волнующие ритмы бубна; и монотонные заклинания; и даже цирковые манипуляции — когда шаман или шаманка вскакивают на лезвие мечей, которые мужчины держат в метре над землей, или лизнут раскаленное железо.

Если все это сравнить со скучноватыми, внешне ничем не примечательными богослужениями в мечетях, — становится понятнее, почему шаманство столь цепко удерживалось в быту и находило своих приверженцев даже в сугу-

бо ортодоксальной мусульманской среде.

Эмоциональным воздействием шаманства можно объяснить и его популярность в женской аудитории, если учесть, что в прошлом женщины в Средней Азии не имели доступа даже в мечети. Шаманство в какой-то степени удовлетворяло их зрелищный голод, и это также немало способствовало тому, что пережитки его сохранились до наших дней.

Сегодня шаманство в Средней Азии явно сходит на нет, и это вполне закономерно. Успехи медицинской науки столь существенны, авторитет советского здравоохранения среди населения так велик, что лечатся люди, разумеется, не у шаманов. Тем не менее и в наши дни шаманство еще окончательно не утратило клиентуру, и сегодня с некоторыми заболеваниями люди идут к шаманам. С какими же?

Трудно сказать, каков был в прошлом диапазон заболеваний, с которыми люди обращались к шаманам и которые считались «диверсией» враждебных духов. Вероятно, он был довольно широк. Но уже в позднейшие времена истории среднеазиатского шаманства и особенно в период, доступный для этнографических исследований, бросается в глаза одна примечательная черта: шаману в процессе его «лечебной» практики приходилось иметь дело в основном с нервными недугами и психическими расстройствами. И сегодня в компетенции шаманов остались в основном заболевания такого характера¹.

Как уже говорилось, здравоохранение в целом и санитарно-гигиеническое просвещение в частности в среднеазиатских республиках достигло высокого уровня; многие болезни вообще исчезли из быта, с другими ведется успешная борьба. Население достаточно просвещено в области медицины. Во время эпидемий гриппа сейчас даже древние старухи соблюдают элементарные правила санитарии. Знают теперь достаточно и о сердечно-сосудистых заболеваниях; никто, например, почувствовав боли в сердце, не пойдет к шаману.

К шаманам идут люди с разными формами нарушения психики и нервной системы, острыми и хроническими; в случае после родовых психозов и разного рода параличей; с нарушениями зрения, слуха и речи на почве нервных расстройств. Этому можно найти объяснение.

Психические и нервные расстройства испокон веков были

окружены ореолом таинственности. Сталкиваясь с подобными явлениями, человек, не имеющий достаточного образования и общей культуры, становится в тупик. Тут, как правило, вступает в силу извечный закон, лежащий в основе возникновения любых религиозных верований: то, что находится вне пределов понимания, приобретает характер сверхъестественного, рождаются фантастические представления, а вслед за тем складывается соответствующий обряд; возникает необходимость в помощи посредников между людьми и сверхъестественным миром духов.

В этом отношении представляют интерес наши наблюдения в Хорезмской области, недалеко от города Шават, где расположена почитаемая усыпальница Юсуфа Хамадани (умер в 1140 г.), одного из основателей среднеазиатского суфизма. Еще и сегодня кое-кто верит, что этот «святой» исцеляет душевные болезни. В надежде выздороветь к его могиле приходят люди, страдающие нервными и психическими заболеваниями. (Кстати, на самом деле Юсуф Хамадани похоронен совсем не здесь, а в Мерве.) Двадцать лет назад, когда мы были у этого мазара, сюда со всего Хорезмского оазиса стекались душевнобольные с разными формами психоза; среди них были заболевшие недавно и с застарелым недугом. Они подолгу жили здесь, и шейхи, хранители гробницы, понаторевшие в «лечении», пользовались характерными шаманскими приемами, «изгоняя» демонов из больного при помощи нагайки.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении становится ясна природа такого пережиточного комплекса, как шаманство. Во всяком случае, можно утверждать, что шаманская практика в сегодняшней Средней Азии держится главным образом на желании и надежде людей излечиться от психических заболеваний и разного рода нервных расстройств. Однако тема о психических заболеваниях в пропаганде медицинских знаний среди населения представлена слабо. Разумеется, популярно объяснить природу психических и нерв-

¹ Известны случаи, когда шаманы излечивали некоторые нервные заболевания, но дело здесь не в ритуале камлания, а в приемах психотерапии, которыми нередко владеют служители этого культа. Речь может идти только о функциональных нервных расстройствах, но не об органических нарушениях. О механизме такого излечения рассказывал кандидат медицинских наук врач-психотерапевт В. Я. Деглин («Наука и религия», 1974, № 6).

ных болезней довольно трудно. Но оставлять эту сферу без внимания нельзя. Ведь люди, которые сталкиваются с подобными болезнями, чаще всего абсолютно не подготовлены к этому. Нередко болезнь наступает внезапно, и это еще усугубляет их растерянность, создает почву для всяких фантастических домыслов. Когда заболевание проявляется неожиданно, всегда находится объяснение, почерпнутое из арсенала религиозных поверий, запас которых создавался всеми предшествовавшими поколениями.

Мне приходилось встречаться с такими фактами. Одну женщину слепота поразила мгновенно, когда она рано утром в саду срезала цветы шиповника, чтобы сделать настой для больного мужа. Ей показалось, что кто-то из куста «схватил ее за руку», — так рассказывала она об этом. По ста-

такой же славой; после «консилиума» старух был приглашен шаман и организовано камлание.

Разумеется, совершенно необходимо, чтобы пережитки шаманского комплекса постоянно находились в поле зрения организаторов атеистической работы. Однако пропагандисты атеизма часто не придают значения шаманскому комплексу. С нашей точки зрения, это большая ошибка.

Обратимся теперь ко второму пережиточному «лечебному» комплексу, который значительно разнообразнее по своим приемам, нежели тот, что связан с шаманством. Если шаманская практика сейчас превратилась в явление эпизодическое, обитающее где-то на задворках жизни (однако, подчеркиваем, не столь еще деградировавшее, чтобы его можно было не замечать), то второй комплекс в семейном быту значитель-

но чаще дает о себе знать. И главная причина его живучести — особенно остро переживаемый недуг женского бесплодия. Мы не преувеличили, подчеркнув особую остроту этого вопроса именно в Средней Азии. Поясним эту мысль.

Причин здесь много, корни их уходят в далекое прошлое. Традиционно имели немалое значение религиозные воззрения, укоренившиеся веками. Общение живых с духами предков у среднеазиатских народов считалось не только возможным, но и обязательным: предки приносили удачу и благополучие в дом; в свою очередь они требовали повседневного почитания и вполне реальных забот о себе. До наших дней дожил связанный с этим обряд «джума акшом» (канун пятницы), когда духи предков якобы навещают своих близких и их полагается кормить, дабы не навлечь на себя

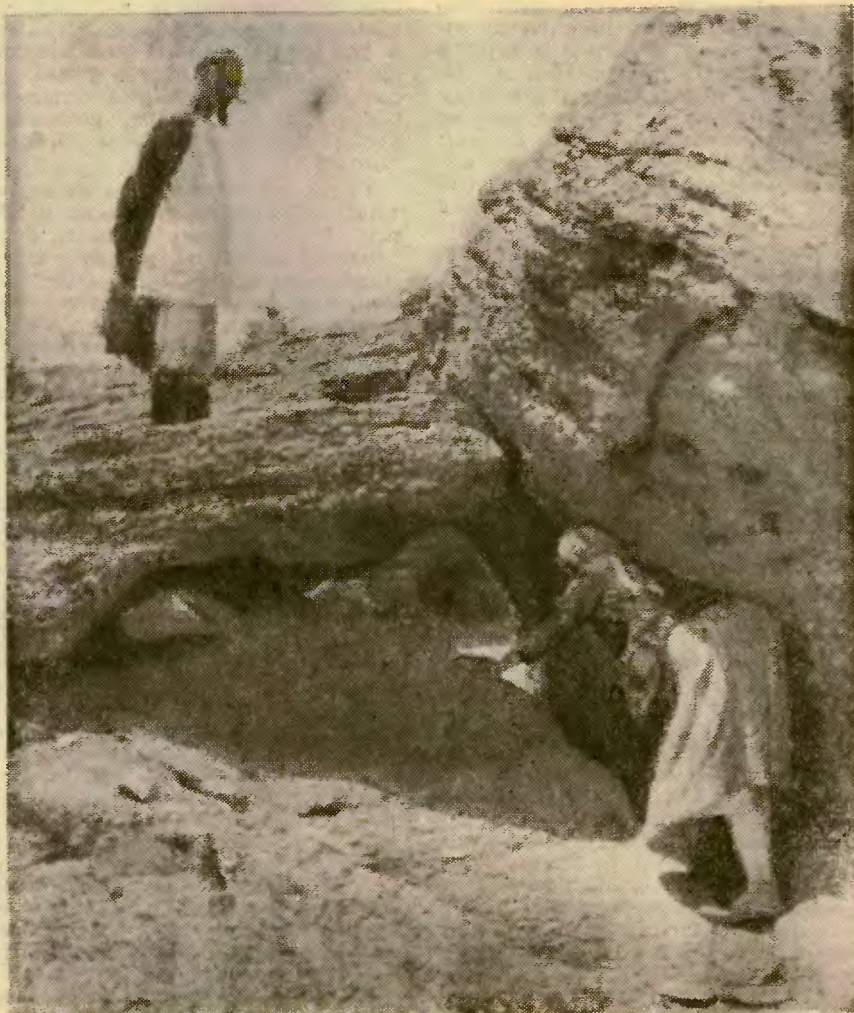

Возле мазара Кара-Кылы. Туркмения, 1955 г.

«Магическая» щель возле мазара Султан-бобо. Жаждающие исцеления должны пролезть сквозь нее. Хорезм, 1957 г.

Фото автора

ринным поверьям, шиповник — «аджина гуль» (буквально: «цветок джиннов») — обиталище зловредных духов, и, конечно, объяснение слепоты пришло тут же. С другой женщиной аналогичный случай произошел, когда она проходила мимо зарослей джиды (лох серебристый), пользующейся

их гнев. О человеке, не оставившем потомства, некому было заботиться, и дух его влачил жалкое помертвевшее существование. Такая перспектива вызывала ужас. Бездетным не сочувствовали, к ним было презрительное отношение, нередко с оттенком враждебности.

Мы не преувеличим, сказав, что прежде недуг женского бесплодия в среднеазиатских условиях, как дамоклов меч, висел над каждой молодой семьей и вызывал чувство панического страха. Он имея никаких зримых причин, не казался неожиданностью, и это поражаало больше всего. Простому человеку — дехканину, например, — этот недуг был столь же непонятен, как, скажем, нервные и психические расстройства. И тут снова вступал в силу древний закон, определяющий рождение религиозных представлений: непонятное приобретало в глазах людей сверхъестественный характер; пытались доискаться причин недуга, люди обращались к фантастическим образам и действиям; ответ давала и традиция — вера в сглаз, порчу, колдовство, в активность враждебных духов. Возникали столь же фантастические и ложные приемы борьбы с этим недугом. Они находили свое выражение в обрядах культа плодородия, который некогда занимал весьма значительное место в духовной жизни земледельцев и скотоводов Средней Азии.

Этот культ вырос из первобытного почитания природных стихий, прежде всего земли и воды, и прошел в своей истории множество этапов. Примитивные духи сменялись развитыми божествами древних религий; среди них боги плодородия Анахита, олицетворявшая водную стихию и более конкретно — мощную водную магистраль Средней Азии реку Амударью, была особенно популярна. Она считалась покровительницей женщин и деторождения, ей приносили жертвы даже в позднейшие мусульманские времена².

С появлением в Средней Азии новой религии — ислама — старые божества этого культа постепенно забывались, но их функции перешли к многочисленным мусульманским святым, а местом культа стали их усыпальницы — мазары. Вокруг этих святынь и сосредоточивались обряды, оставшиеся от домусульманского прошлого. Культ мазаров дожил до наших дней и является, пожалуй, самой характерной особенностью сегодняшней религиозности в республиках Средней Азии.

Когда-то одни святые считались

покровителями земледелия, другие — скотоводства, третьи — торговли, ремесел и т. д.; некоторые специализировались в «излечении» разных болезней, в частности женского бесплодия. К нашему времени четкость этих функций в значительной степени стерлась, множество мазаров заглохло. И лишь один повод для посещения мазаров и соответствующих обрядовых церемоний пока что остается достаточно стойким. Это — недуг женского бесплодия.

Если женщина не рождает, приходят те, кто убеждает ее, будто в этом виноваты враждебные силы, поселившиеся в ее организме. Бездетные женщины сохранили в обрядах паломничества к мазарам очень многое из арсенала магических и жертвенных приемов домусульманского прошлого. Они совершают ритуальные обходы надгробного сооружения, молятся у порога усыпальницы, натирают тело пылью с могилы святого, привязывают тряпицу на шею со знаменем мазара. Многие привозят в дар святому новые покрывала на его гробницу. Иногда у мазара совершается жертвоприношение — супруги режут барана, козленка, чтобы святой помог им обрести потомство.

Седой древностью веет от некоторых обрядов вокруг таких мазаров. В Хорезме, например, бесплодные женщины делают около мазара из щепочек и лоскутков миниатюрные изображения детских люлек, бывает, что кладут в них крохотных «младенцев» — обернутые тряпочкой палочки. Это типичный пример имитативной магии — когда люди стремятся сходным предметом и действием вызвать желаемое. С магией связан и обряд, который автору этих строк привелось много лет назад наблюдать у мазара Аюба в Джалал-Абаде (Киргизия): женщины, не имеющие детей, садились верхом на большой камень причудливой формы, напоминающий колыбель, или касались его грудью; он так и именовался — «бешик таш» (буквально — колыбель-камень).

Особым почитанием окружены «священные» деревья, растущие при мазарах. На их ветви бездетные женщины вешают лоскутки от своей одежды или платков, надеясь установить магическую связь со святыней. К стволу этих деревьев они прижимаются всем телом. В этих манипуляциях отразились древнейшие примитивные представления о том, что деревья являются приютом для душ, которые могут дать новую жизнь.

Родники и колодцы вокруг ма-

зара тоже считаются священными; воду из них паломники увозят с собой, чтобы пить ее, мазать ею лицо, тело.

Следует сказать, что бездетные женщины пользуются разнообразными магическими приемами и за пределами мазаров. Они перебегают дорогу похоронной процессии, чтобы «уловить» душу умершего, которая якобы может зачать новую жизнь. То же самое проделывают они и во время свадебного шествия, надеясь «перенести» свой недуг на другого. С приобретением к плодотворной силе земли связаны и такие обряды бездетных: они скатываются с холмов, протискиваются через промоины в земле или под обнажившимися корневищами деревьев. Силой своей плодovitости привлекают их внимание фруктовые деревья в садах — и ним они прикасаются, совершают вокруг них ритуальные обходы.

Река Амударья также была необычайно притягательна для бесплодных женщин. По традиции считалось особенно действенным совершить своеобразное путешествие: пересечь на рыбацких лодках течение реки и на самом стремне сбросить в волны жертвенные лепешки и соль. Все, что соприкасалось с сакрально чистыми водами Амударьи, бездетные женщины превращали в фетиш. Некогда они проникали на баркасы, возвращавшиеся из длительного плаванья, пили воду, скопившуюся на их дне, подлезали под скамьями для гребцов и старались прикоснуться к «баша» — носовой части судна, которую в далеком прошлом украшали изображения водяного божества. Вряд ли можно сомневаться, что перед нами — сохраненные традицией реликты древнего культа богини плодородия Анахиты — Амударьи, покровительницы женщин и деторождения. В этих обрядах, зафиксированных нами в низовьях Амударьи, сочетаются элементы магии и умиловительного культа.

Можно упомянуть еще и о религиозно-мистической «профилактике», элементами которой насыщены традиционные свадебные обряды³. Если ислам в этом комплексе дает о себе знать, пожалуй, только в самый момент заключения брака

² См.: Г. П. Снесарев. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия. «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 4. М., 1960, стр. 198—202.

³ Подробнее см.: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, гл. II. Магия семейно-бытовой обрядности, стр. 73—106.

Бальнеологический санаторий «Чар-тан» (Узбекская ССР) построен возле целебного источника. Раньше к источнику приезжали не лечиться, а вымалывать исцеление.

(обряд «никах»), то пережитки древних магических представлений пронизывают все этапы традиционной свадьбы. И почти все они преследуют одну цель — предохранить молодых от «порчи», обеспечить будущее потомство. Многие из этих магических действий живы еще и сегодня, из

чего следует, что, создавая сейчас новый свадебный обряд и совершенно справедливо используя в качестве основы местную традиционную свадьбу, необходимо очень осторожно отбирать элементы ее сценария.

В чем же причина такой стойкости пережитков культа плодородия? Можно смело утверждать, что прежде всего — в отсутствии у многих людей научных знаний о природе женского бесплодия. Так же как причиной сохранения шаманской практики можно счи-

тать недостаточное распространение знаний о природе нервно-психических расстройств. Следует умно и тактично распространять научные знания о причинах и симптомах этих недугов, это будет способствовать быстрейшему исчезновению связанных с ними религиозных пережитков. Прецедентов здесь вполне достаточно. Ведь с тех пор, например, как современный крестьянин пришел к научному пониманию процессов, происходящих в сельском хозяйстве, полностью исчез обширный комплекс магических и жертвенных представлений и действий аграрной обрядности.

К культурно-просветительной работе необходимо шире привлекать специалистов-медиков. Должны быть разработаны методические материалы для пропаганды медицинских знаний. В то же время следует массовыми тиражами издать короткие, изложенные доходчивым языком памятки, предназначенные для самого широкого круга читателей. Их можно распространять через медицинские учреждения, Дома санпросвещения, библиотеки, чтобы их прочло как можно больше людей. Эта сложная работа займет немало времени, но, несомненно, в сочетании с прямыми мерами борьбы советского здравоохранения с недугами, о которых мы здесь вели речь, будет активно содействовать отмиранию целой группы религиозных пережитков, скрытых сейчас в недрах семейного быта.

Жертвенный петух

Х. АВШАЛУМОВ

Был канун праздника судного дня*. Как только Шими Дербенди вернулся с колхозных виноградников, где он работал весь день, его набожная жена сказала ему:

— Ай, муж, пока еще не поздно, отправляйся немедленно на базар, купи для себя жертвенного петуха, а для меня — жертвенную курицу, покрутим их над нашими головами и будем чистыми перед богом.

Шими сейчас до смерти не хотел отправляться на базар. Он очень устал и проголодался, а в доме варился хиккал, распространяя аппетитный запах.

— Ай, жена, клянусь памятью усопших, никакого греха или вины я за собою не чувствую, — принял Шими толковать жене. — Я ни в этом году, ни в том никого не обманывал, как это делает твой братец-мясник, когда продает козлятину вместо баранины, а второй сорт мяса выдает за первый, чтобы набить себе кар-

ман... Что за выдумка: почему бедный петух должен страдать и позорно умирать за мои или чужие грехи?

Шими хотел уже привести и другие доказательства нелепости этого священного обряда, лишь бы не идти на базар, но жена, не на шутку разозленная богохульством мужа и тем, что он так нелестно отзывался о ее брате, закатила ему такой скандал, что миролюбивый и добродушный Шими Дербенди бежал из дома.

Вскоре Шими вернулся, неся в корзине петуха и курицу, и молча поставил ее в угол. Потом взял курицу, уселся посредине комнаты и, держа курицу за ноги, начал крутить ее над головой.

Жена схватила его за руку.

— Ай, муж, ты с ума сошел?! Почему ты крутишь над головой курицу вместо петуха? Ты же мужчина, а не женщина!

— Ай, жена, ради твоих покойных родителей, отстань от меня! Сам знаю, что делаю! — закричал на нее Шими, весь багровея, с трудом удерживая в руке курицу, которая, испугавшись перепалки между мужем и женой, начала тревожно кудахтать и так неистово хлопать крыльями, что от нее полетели перья в разные стороны. — Какой же я мужчина — разрази меня гром! Будь я действительно мужчиной, разве бы я слушал такую женщину, как ты!

г. Махачкала

* Верующие таты (народность в Дагестане, исповедующая иудаизм) накануне этого праздника совершают жертвоприношение. Мужчины крутят над головой жертвенного петуха, а женщины — жертвенную курицу, читая при этом специальную молитву-заклинание, которая якобы снимает с верующих все грехи, совершенные ими в течение года.